

РАЗДЕЛ 3.

МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Т. В. Коваленко*

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПЕРСПЕКТИВЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ

В статье рассматривается методология сравнительных исследований как перспективной формы концептуализации культурологического знания в отечественном гуманитарном дискурсе. Кратко проанализированы основные этапы в истории развития сравнительных исследований культуры в англо-американской антропологической мысли, определены перспективы сравнительных методов в культурологии.

The article discusses the methodology of comparative studies as a promising form of conceptualization of cultural knowledge in the domestic humanitarian discourse. A brief analysis of the main stages in the history of comparative studies of culture in the Anglo-American anthropological thought, positive vision of comparative methods in cultural studies.

Ключевые слова: антропология, науки о культуре, сравнение, теория, кросс-культурная методология, холокультурализм, культурные различия.

Keywords: anthropology, cultural sciences, comparison, theory, cross-cultural methodology, holocultural theory, cultural differences.

Тенденции развития современной цивилизации, связанные с проблемой глобализации и глокализации культур, актуализируют проблему межкультурных взаимодействий, культурных различий и сравнительных исследований культур, как прак-

* КОВАЛЕНКО Тимофей Викторович – кандидат философских наук, заместитель директора Южного филиала Российского института культурологии, старший преподаватель кафедры теории и истории культуры Краснодарского государственного университета культуры и искусств, г. Краснодар, Россия (e-mail: timofey.kovalenko@gmail.com).

KOVALENKO Timofey V. – Ph.D. Candidate (Theory and History of Culture), Deputy Director of the Southern Branch of the Russian Institute for Cultural Research, Senior Lecturer, Department of Theory and History of Culture of Krasnodar State University of Culture and Arts, Krasnodar, Russia (e-mail: timofey.kovalenko@gmail.com).

тики их решения. Кросс-культурная компаративистика в этом смысле выступает в качестве эффективной исследовательской стратегии, позволяющей анализировать особенности стилей мышления народов мира, способы конструирования форм идентичности. Последние выступают в качестве ключевых аспектов современной культурологии, обеспечивая, наряду с исследованиями культурной политики, ее прикладной потенциал.

В настоящее время в отечественном культурологическом дискурсе проходит становление новой междисциплинарной культурологической стратегии, основанной на компаративном подходе к исследованию культур. Причем необходимо отметить, что сравнительный аспект уже достаточно давно востребован теорией менеджмента [1], прикладной политологией [2] и другими областями социально-гуманитарных наук. В рамках вышеназванных дисциплин сформированы соответствующие предметные области, введены в учебные планы подготовки специалистов, разработаны учебники и курсы лекций.

Однако в профессиональном сообществе, во всяком случае – региональном, такой взгляд на формирование парадигмы культурологии как системы научного знания, представляется весьма экзотичным. И, характеризуя опыт культурологии, как самостоятельной дисциплины, нашедший отражение, прежде всего, в учебных изданиях, стоит отметить ее явный неструктурированный характер и большее тяготение в сторону истории искусств, с одной стороны, или абстрактной философии культуры, изучающей предельные основания, с другой. Специальный науковедческий анализ этой проблемы провел Ю. А. Лукин [3].

Как представляется автору, отечественная культурология не слишком значительно аккумулировала опыт англо-американской культурной антропологии. До недавнего времени он не использовался совсем, что и приводило к методологическим перекосам и нестыковкам, когда теорию и историю культуры рассматривали как историю искусств или философию культуры или МХК. Однако в последние годы появляются культурологические исследования, которые с помощью серьезного антропологического анализа существенно углубляют понимание культурных различий, систем их диалектики в национальных культурах. Общее представления о роли ценностных ориентаций должны быть дополнены конкретным исследованием их происхождения, эволюции, функционирования в современном обществе, осмыслением традиционных и модернизированных форм мышления, индивидуальной и коллективной идентичности.

При таком понимании культурологии, стратегическое значение приобретают теоретические и прикладные исследования в рамках кросс-культурного (или сравнительного) анализа, и здесь без опыта культурной антропологии не обойтись. Сравнительная культурология, формирующаяся сегодня в качестве перспективной области практикоориентированных гуманитарных исследований, представляет собой междисциплинарную стратегию, направленную на анализ культурных форм, явлений, процессов «с целью выявления и идентификации подобного (общего, инвариантного) и специфического (различного) в культуре» [5].

На важность использования сравнительной методологии указывали крупнейшие антропологи XX века. Рассматривая сравнительный метод как основу всякого обобщения, Бронислав Малиновский, отмечал, что он «... должен всегда оставаться основой для всякого обобщения, для вывода любого теоретического принципа или универсального закона, применимого к ... материалу» [5]. Основоположник комплексного изучения феномена человека в его культурном и историческом многообразии Ф. Боас писал: «... важнейшая задача обществоведов – критически дифференцировать общезначимое, т.е. присущее всему человечеству как таковому, и специфически значимое, т.е., характерное для определенных типов культуры. Это – одна из проблем, заставляющая нас внимательно изучать культуры... Их изучение позволяет уяснить как общечеловеческие, так и свойственные отдельным обществам тенденции» [6].

Однако в отношении сравнения как метода научных исследований среди современных теоретиков часто присутствует, как замечают антропологи Р. Фокс и А. Грингрич, некоторая интеллектуальная неопределенность, заключающаяся в том, что если рассматривать общие его принципы, то сравнение представляется основополагающим методом и инструментом социально-гуманитарных наук, но, в частности, системность его понимания растворяется в десятках вопросов [7]. Множеству ученых оно кажется самоочевидным, не нуждающимся в тщательном рассмотрении, а тем более объяснении его роли в процессах порождения и взаимного влияния культур. Иллюстрацией этого интеллектуального парадокса выступает перефразированный тезис Августина Аврелия, высказанный в отношении времени: «Пока никто меня о том не спрашивает, я понимаю, нисколько не затрудняясь; но как скоро хочу дать ответ об этом, я становлюсь совершенно в тупик» [8].

Такая интеллектуальная неопределенность связана с естественной эволюцией наук о человеке и влиянием постмодернистской методологии на их тематическое самоопределение. Между тем в теоретических и практических исследованиях по культурной антропологии сравнения используются везде: от миграции до проблем идентичности, от специфики национальных культур, до изучения элит в процессе общественного развития. Более пристальное рассмотрение этого противоречия, отражает широкий интеллектуальный тупик [9]. Множество исследователей, рассуждая в контексте моды на качественные, субъективные интерпретации, заданные рамками постмодернистского мышления, рассматривают сравнение как часть устаревшей методологии, связанной с «большими теориями». [Такая ситуация достаточно долго была характерной для социально-гуманитарных наук на Западе, и является доминирующей в отечественном дискурсе сегодня.] И лишь немногие исследователи-гуманитарии, и западная научная традиция здесь не исключение, считают сравнение процедурным признаком научности. Конечно, скрупулезный и объективный сравнительный анализ чаще всего связан с одновременным изучением множества объектов, применением математического аппарата и статистических методов и определенными трудностями инструментального характера. При этом любое сравнительное культурологическое исследование – одновременно и исследование междисциплинарное, а следовательно, эпистемологически продуктивное, имеющее явную прикладную и прогностическую направленность.

Наверное, было бы весьма интересным пристальнее рассмотреть практику применения сравнительных методик в западной традиции культурной антропологии, причем упомянутая выше «неопределенность» актуализирует такой анализ, результаты которого могут быть использованы в процессе тематического определения культурологии как отрасли научного знания и учебной дисциплины в современной России.

Общее состояние культурной антропологии в 80 – 90-е годы XX века было ознаменовано дискуссиями об объективности и социальной полезности прикладных антропологических исследований. Пик этой постмодернистской ревизии классической антропологии, предвосхищенной исследованиями М. Гриоля и М. Лейриса [См.: 10], миновал, но, по утверждению ряда теоретиков, дискуссия об объективности и/или субъективности методологии имела положительное значение.

Действительно, большая часть классических представлений о культурах сформированная в англо-американском антропологическом дискурсе в период между Второй Мировой войной и окончанием «холодной войны», подверглась внутренней критике. Следствием такого анализа стали устойчивые представления о том, что концептуальные контуры культурной антропологии 60-70-х годов XX века способствовали реализации европейской колониальной политики в отношении традиционных культур народов Америки, Азии и Африки [11, 12]. Ставшие к тому моменту классическими методы кросс-культурного анализа подверглись жесточайшей критике ввиду того, что культуры, выступающие объектом сравнения, рассматривались как самостоятельные и стабильные образования, в то время как реальная картина была такова: все локальные культуры существовали в пределах единой мировой системы и так или иначе попадали под влияние набирающего силы процесса глобализации, что приводило к унификации их специфических структур. А некоторые культуры, считавшиеся самостоятельными, фактически являлись лишь разными моделями социального развития в пределах существующего миропорядка.

В 1980-х годах фокус постмодернистской критики сместился в сторону анализа потенциальных возможностей науки давать адекватное описание и интерпретировать культуры на основе фактов, а не впечатлений [13, 14]. Кросс-культурная методология при этом позиционировалась как достаточно сомнительное явление, поскольку объективность оценок напрямую детерминировалась авторитетом исследователя.

Таким образом, постмодернистски ориентированная западная антропологическая критика конца XX века поставила под сомнение, то, что было очевидным и рассматривалось в качестве краеугольного камня наук о человеке и культуре, – адекватность сравнения как метода научного исследования.

В 1920-1930-х годах антропологи рассматривают свою область как основное направление социально-прогнозных исследований, причем именно сравнение выступает основанием адекватности и объективности результатов науки. Так Рут Бенедикт, например, для книги «Модели культуры» (1943) выполняет сравнительные исследования нескольких заметно различающихся сообществ, а затем, в дополнение к ним, проводит прямое сравнение трех «примитивных» культур – Зуньи, Добу и Квакуитль, сделав профили их культурных конфигураций [15]. Аналогичным образом поступает М. Мид, применяя

сравнительные исследования в работах о Самоа (Взросление на Самоа, 1938 [16]) и Новой Гвинеи (Как растут на Новой Гвинее, 1930 [17]). Здесь можно упомянуть так же и Б. Малиновского, который еще в 20-х годах использовал кросс-культурный анализ, изучая вопросы универсальности Эдипова комплекса (Секс и вытеснение в обществе дикарей, 1926 [18]; *The Father in Primitive Psychology*, 1927 [19]) или противопоставляя сексуальные традиции жителей Тробрианских островов европейским нормам (Сексуальная жизнь дикарей Северо-Западной Меланезии, 1929 [20]). Так применение сравнительного анализа классиками культурной антропологии XX века способствовало пониманию культурного многообразия, утверждению идеи самобытности целостности культур, выделению специфических черт особенно в сравнении с западной культурой, которая рассматривалась ими в качестве базовой, идеальной модели. И что немаловажно, они верили, что кросс-культурные исследования должны и приносят пользу всему обществу.

С середины 50-х годов XX века в основе сравнительной методологии надолго утверждается холокультурный подход, связанный с формированием Региональной картотеки данных по межчеловеческим отношениям (HRAF – Human Relations Area Files) [21] и школой количественных кросс-культурных исследований Дж. П. Мердока.

О необходимости формализации накопленных сведений о специфике культур народов мира (культурных различий) и формировании специальной базы данных впервые заявил, по видимому, Э. Б. Тайлор [22]. В начале XX века работа по каталогизации этнографического материала достаточно успешно проводилась исследователями Амстердамской школы. Под руководством С. Р. Штайнмеца были систематизированы сведения о более чем 1500 этносах [23]. Однако эта идея не получила конечной реализации. Наибольших успехов деятельность по созданию базы данных достигла в рамках американской антропологической традиции во многом благодаря усилиям Дж. П. Мердока, который начиная с 1930-х годов начал систематическую работу по сбору формализованной информации по социальной организации и культуре народов мира [24]. Рассматривая в своих статьях антропологию как эмпирическую науку, ученый разрабатывает принципы организации и классификации данных для кросс-культурного анализа, которые позволяют ему осмыслить проблему культурных универсалий. В своей основной книге «Социальная структура» [25] он излагает теоретические и методологические основы холокультурного подхода, а программных статьях

«Фундаментальные характеристики культуры» [26] и «Общий знаменатель культур» [27] выстраивает концепцию, на базе которой впоследствии возникнет HRAF. В рамках программы Йельского университета Human Relations Area Files в 1973 году была собрана и систематизирована информация о 1267 народах мира. В 1969 году Дж. П. Мердок в соавторстве с Д. Р. Уайтом публикуют «Стандартную кросс-культурную выборку» [28], содержащую сведения о 186 культурах, не ограниченных численными параметрами.

Центральной исследовательской проблемой культурной антропологии, по мнению Дж. П. Мердока, становится интерпретация сходства и различий культур народов мира, а целью исследований – кросс-культурный анализ повторяющихся черт в социальной организации и ценностных моделях этносов. [Здесь, как представляется, заключен чрезвычайно важный прогностический потенциал науки, который вне всякого сомнения должен быть востребован современной российской культурологией. Достаточно вспомнить даже тот факт, что в период Второй мировой войны Мердок с коллегами подготовили ряд справочников по культурам народов Океании и консультировали военнослужащих по ведению диалога с коренным населением островов, где располагались американские военные базы.] Сконцентрировавшись на поиске сходств, а не различий, переосмыслив базисные модели культуры Л. Г. Моргана, Г. Спенсера и Э. Б. Тайлора, ученый проводит кросс-культурный анализ таких феноменов как брак, война, религиозное поведение и утверждает, что «культура никоим образом не инстинктивна по природе, она определяется исключительно посредством обучения» [29]. Обнаружив черты единообразия в процессе научения он выделяет четыре, а потом еще шесть важных факторов культуры [30].

Итак, с середины XX века холокультурный подход формируется как «универсалистская» методология, в рамках которого формулируется базовая модель понимания культуры, становится ведущим в культурной антропологии и определяя направленность теоретических и прикладных исследований культуры.

И сегодня, любое сравнительное изучение культуры ассоциируется с Дж. П. Мердоком, его школой количественных исследований и HRAF, хотя в западной антропологической традиции существует и другие варианты, представляющие методологию кросс-культурного анализа во всем многообразии равно как и потенциал развития культурологии.

Особенно много методик появилось после 1945 года – от универсалистских до региональных форм.

Одной из них была популярная в период 1950 – 1970-х годов сравнительная методология, сформулированная в рамках неоэволюционизма. В ее основе – утверждение, что этапы развития культуры имеют свою закономерность. В 1960 году появляется книга, подготовленная под редакцией М. Д. Салинза и Э. Сервиса «Эволюция и культура» [31], заложившая основы последующего доминирования в антропологии социального эволюционизма. Ее основное значение состояло в расширении дисциплинарных границ, а типологии социополитической организации общества, которые располагаются в порядке увеличения сложности и составляют эволюционную последовательность, до сих пор применяются специалистами по археологии и истории первобытной культуры. Так, концепция универсальной эволюции Л. А. Уайта была дополнена концепцией специфической эволюции. Ученые применили эволюционный подход не только для стадийного исследования культуры, но и с целью сравнения – изучения параллелизма и особенностей развития конкретных обществ в условиях сочетания случайных факторов и среды.

В другой широко распространенной культурантропологической теории – структурализме, сравнительные методы применялись для выявления поверхностности различий в культурном многообразии с опорой на когнитивные общечеловеческие структуры [32].

Так или иначе, основные сравнительные теории культур второй половины XX века (холокультурализм, неоэволюционизм, структурализм) были связаны с доминирующими методологическими традициями своего времени. Но говоря о перспективах применения сравнительных исследований в современных науках о культуре, следует понимать последние не только в духе «монополии HRAF», при всей важности исследований школы Мердока. Вскрывая потенциал кросс-культурных исследований, антропологи Р. Фокс и А. Грингрич обращают внимание на два существенных обстоятельства. Во-первых, наряду с кратко описанными здесь и другими «универсалистскими» антропологическими теориями, существуют также так называемые сравнительные подходы «низшего порядка», значение которых тоже нужно учитывать. Во-вторых, не следует забывать об эмпирической, а не только теоретической, составляющей сравнительного исследования [33].

В качестве примера можно привести исследования М. Глюкмана, представителя Манчестерской школы неофункционализма, которые он провел в Южной Африке [34]. Он одним из пер-

вых решил заново рассмотреть давно полученные результаты эмпирических исследований и использовать их как отправную точку для сравнительного анализа традиционных и модернизационных тенденций. Его собственное исследование процессов колониальной экспансии на материале племени зулусов показало, что все эмпирические данные и сравниваемые элементы представляют собой части более глобальных процессов, выходящих за рамки зулусской локальности.

Дискуссии о методах исследований региональных различий в социальных, культурных, религиозных, политических, гендерных отношениях, в которых принимали участие ученые-представители разных стран, занимаясь разработкой ключевых понятий, теории и практики сравнения, существенно обогатили науки о культуре и внесли значительный вклад в концептуализацию и аргументацию антропологии. И совершенно точно, бессмысленно утверждать, что все большие антропологические теории, упомянутые здесь и другие, основанные на сравнительном анализе, проведенном в Южной Африке, Меланезии, бассейне Амазонки, или даже в Европе и индустриальных зонах, устарели. На уровне концептуального и эмпирического содержания они должны быть востребованы культурологическим знанием в современной России, формируя перспективные пути развития сравнительных исследований.

Нуждаются и включения в российский контекст социально-гуманитарных наук крупнейшие теории цивилизационного развития и кросс-культурного взаимодействия последних лет, так же содержащие в своей основе сравнения, – мир-системный анализ И. Валлерстайна [35] и теорию ориентализма Э. Саида [36], исследования С. Хантингтона [37] и Л. Харрисона [38], Г. Хофштеде [39] и другие.

* * *

Итак, сравнение представляя собой естественную характеристику человеческого мышления, как нельзя лучше выражается в научных исследованиях. Использование данного метода предполагает установление базовых концептов и выявление возможных зависимостей между переменными, что предопределяют основные направления исследований. Бесспорно, никакое научное исследование не может обойтись без сравнения, также как и любая теория, не смотря на тенденции, присущие науке в целом, требует проверки. Без сравнения невозможно правильно оценить связаны ли следствие и предполагаемая причина.

Без сомнения сегодня в отечественном гуманитарном дискурсе наступает время критической переоценки опыт наук о культуре и человеке, время поиска новых векторов развития, концепции и идей, время расширения поля междисциплинарного взаимодействия. Горячие теоретические споры по таким понятиям, как «культура», «общество», «национализм», «пол» и свидетельствует о возрастающем интересе к концептуализации в профессиональном сознании определенных областей культурологии и антропологии.

Сигналами грядущих сдвигов является не только внутрироссийские противоречия, основанные на межнациональных противоречиях, главным фактором в развитии которых, вне всякого сомнения, выступают барьеры в осмыслении культурных различий, но и тенденции глобализации, развития международного бизнеса, интенсификация межкультурных контактов не только с Европой и Америкой, но и с народами Востока, Индии, Китая, Юго-Восточной Азии.

Культурология, как поле междисциплинарного синтеза наук о культуре и человеке, способна стать сегодня подлинным кристаллизующим центром объяснительного и прогностического знания. Институционализация таких ее областей как «Теория и практика межкультурной коммуникации» и «Сравнительная культурология», прочное закрепление их в программах подготовки специалистов в российских вузах и выпуск специальной литературы [40], являются основанием для объединения усилий в плане переоценки сравнительных методов и новых научных исследований проблемы культурных различий.

Использованная литература:

1. Сравнительный менеджмент: учеб. / под. ред. С. Э. Пивоварова. СПб.: Ритер, 2006. 368 с.
2. *Голосов Г. В.* Сравнительная политология: учеб. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2001. 368 с.
3. *Лукин Ю. А.* Атипичная культурология. М., 2007. 292 с.
4. *Быховская И. М.* Сравнительно-культурные (компаративные или кросс-культурные) исследования // Культурология. XX век: словарь. М. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 439.
5. *Малиновский Б.* Научная теория культуры. М.: ОГИ, 2000. С. 28.
6. *Боас Ф.* Некоторые проблемы методологии общественных наук // Антология исследований культуры. Интерпретация культуры. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2006. С. 500.

7. Fox R. G. & Gingrich A. Introduction // Anthropology, by Comparison / Gingrich A. & Fox R.G., Eds. L. & N.Y.: Routledge, 2002. P. 1-24.
8. Августин Исповедь. XI. XVI. 17.
9. Fox R. G. & Gingrich A. Introduction ... P. 1-2.
10. Leiris M. L'Afrique fantôme. P.: Gallimard, 1981. 632 p.
11. Asad, T. (ed.) (1973) Anthropology & the Colonial Encounter / T. Asad, Ed. N.Y.: Ithaca Press, 1973. 281 p.
12. Reinventing Anthropology / D. Hymes, Ed. N. Y.: Pantheon. 470 p.
13. Clifford J. On ethnographic authority // Representations. 1983. № 2. P. 118-146.
14. Writing Culture: The Poetics & Politics of Ethnography / J. Clifford & G.E. Marcus, Eds. Berkeley, CA: University of California Press. 1986. 305 p.
15. Benedict R. Patterns of Culture. Boston & N. Y.: Houghton & Mifflin & Company, 1934. 260 p.: на рус. яз. см. частично опубликовано: Бенедикт Р. Модели культуры // Культурология. 2005. № 1. С. 108-134; Бенедикт Р. Образы культуры // Человек и социокультурная среда. М., 1992. С. 88-110.
16. Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1988. 134 с.
17. Мид М. Культура и мир детства: Взросление на Самоа. Как растут на Новой Гвинее. Отцовство у человека социальное изобретение. Культура и преемственность и др. М.: Директ-Медиа, 2008. 878 с.
18. Малиновский Б. Секс и вытеснение в обществе дикарей. М.: Высшая школа экономики, 2011. 224 с.
19. Malinowski B. The Father in Primitive Psychology. London: Norton, 1966. 94 p.
20. Малиновский Б. Сексуальная жизнь дикарей Северо-Западной Меланезии // Избранное. Динамика культуры. М.: РОССПЭН, 2004. С. 439-862.
21. Human Relations Area Files. Cultural Information for Education and Research [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.yale.edu/hraf/>. (Дата обращения: 13.10.13).
22. Tylor E. B. On a Method of Investigating the Development of Institutions: Applied to Laws of Marriage and Descent // Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. 1889. Vol. 18. P. 245-272.
23. См., например: Steinmetz S. R. Classification des Types Sociaux et Catalogue des Peuples // Zur Ethnologie und Sociologie. II: Gesammeltc Kleinere Schriften. Groningen, 1930.

24. Обзор деятельности Дж. П. Мердока по созданию HRAF, в том числе библиографию его работ на англ. яз. см.: Коротаев А. В., Кушнарера М. Б., Халтурина Д. А. Мировые религии и семейно-родственная организация: кросс-культурное исследование // Этнографическое обозрение. 2002. №5. С. 3-16.

25. *Мердок Дж. П.* Социальная структура. М.: ОГИ, 2003. 606 с.

26. *Мердок Дж. П.* Фундаментальные характеристики культуры // Антология исследований культуры. Т. 1.: Интерпретация культуры. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2006. С.49-57.

27. *Мердок Дж. П.* Общий знаменатель культур // Культурология. Дайджест. 2005. № 1. С. 202-234.

28. *Murdock G. P.; White D. R* Standard Cross-Cultural Sample // *Ethnology*. 1969. №8 (4). P. 329–369.

29. *Мердок Дж. П.* Общий знаменатель культур ... С. 205.

30. См.: Покореня Г. В. Генезис кросс-культурного подхода в исследовании культур: автореф. дис. канд. филос. наук: 24.00.01. СПб.: 2008. 26 с.

31. *Evolution and Culture / M. Sahlins & E. R. Service, Eds.* MI.: University of Michigan Press, 1988. 131 p.

32. См.: Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Эксмо-Пресс, 2001. 512 с.

33. *Fox R. G. & Gingrich A.* Introduction ... P. 4.

34. *Gluckman M.* Analysis of a Social Situation in Modern Zululand. Manchester: Manchester University Press, 1958. 77 p.

35. *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб: Университетская книга, 2001. 416 с.

36. *Саид Э.* Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский миръ, 2006. 637 с.

37. *Хантингтон С.* Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности. М.: Издательство АСТ; Транзиткнига, 2004. 635 с.

38. *Харрисон Л.* Главная истина либерализма: как политика может изменить культуру и спасти ее от самой себя. М.: Новое издательство, 2008. 279 с.

39. *Hofstede G.* Culture's Consequences, Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations Across Nations. Thousand Oaks CA: Sage Publications, 2001. 596 с.

40. См., например: Борзова Е. П. Сравнительная культурология. Т. 1.: учеб. пособ. СПб: Изд-во СПбКО, 2013. 239 с.